

Шестая речь. Изложение основных черт немцев в истории

Каковы были бы основные различия между народом, неизменно развивающимся в своем первоначальном языке, и народом, усвоившим чужой язык, – это мы разобрали в прошлой речи. При этом случае мы сказали: что касается заграницы, то мы хотим предоставить собственному суждению всякого наблюдателя решение вопроса, действительно ли случились в ней все те явления, которые, по нашему утверждению, должны были там случиться: но что касается немцев, то мы беремся показать, что они действительно проявили себя именно так, как, согласно нашим утверждениям, должен был проявить себя народ изначального языка. Сегодня мы перейдем к исполнению нашего обещания, причем то, что нужно доказать, мы покажем Вам вначале на примере последнего великого и, в известном смысле, законченного всемирного деяния немецкого народа – реформации церкви.

Христианство, происходящее из Азии и ставшее вследствие проникшей в него порчи тем более азиатским²¹, проповедовавшее только бессловесную преданность и слепую веру, уже для римлян было чем-то чужеродным и иностранным. Оно никогда не было по-настоящему постигнуто и усвоено ими, и делило их существо на две несовместимые половины – причем однако прибавление чуждой части облегчалось для них их исконным меланхолическим суеверием. Пришлые германцы были для этой религии такими питомцами, в которых никакое предшествующее образование рассудка не было ей помехой, но и никакое исконное суеверие народа ей не благоприятствовало, и так им передавали эту религию, просто как непреходящую принадлежность римлянина, которым они теперь хотели быть. Она не оказывала на их жизнь особенно сильного влияния. Само собою разумеется, эти христианские воспитатели сообщали этим новообращенным христианам не больше древнеримской образованности и понимания языка, чем то было совместимо с их намерениями; и в этом также заключается одна из причин упадка и умерщвления, который претерпел в их устах римский язык. Когда впоследствии в руки этих народов попали подлинные и неподделанные памятники древней образованности, и тем самым в них зародилось влечение к самостоятельному мышлению и пониманию; то, коль скоро отчасти это влечение было для них свежей новостью, отчасти же ему не был противовесом наследственный страх перед богами, противоречие между слепой верой и странными вещами, ставшими, с течением времени, предметами этой веры, должно было поразить их сильнее, чем даже римлян, в ту пору, когда к ним впервые пришло христианство. Обнаружение полного противоречия в том, во что до сих пор мы чистосердечно верили,

вызывает смех; те, кто отгадал загадку, смеялись и потешались, и сами священники, так же точно ее отгадавшие, смеялись с ними вместе. Защитой им было то, что лишь очень немногим была доступна классическая образованность – средство для снятия чар. Здесь я имею в виду преимущественно Италию, бывшую в ту пору главным жилищем новоримской образованности. Прочие новоримские племена еще весьма отставали от нее во всех отношениях.

Они смеялись над обманом, ибо в них не было ни одного серьезного стремления, которое оскорблялось бы этим обманом; это исключительное обладание необыкновенными знаниями тем вернее делало их благородным и образованным сословием, и они спокойно мирились с тем, что толпа, к которой они были черство безразличны, пребывала и далее жертвой обмана, а потому оставалась послушным орудием и для служения их собственным целям. И вот так это могло продолжаться и впредь: народ обманывали, а благородные сословия пользовались этим обманом и смеялись над ним, – и если бы в истории нового времени не было ничего, кроме новоримлян, так продолжалось бы, вероятно, до скончания века.

Здесь Вы видите ясное подтверждение сказанному прежде о продолжении древней образованности в новой и о том участии, какое способны принимать в этом новоримляне. Новая ясность исходила от древних, она попала сперва в фокус новоримской образованности, она сложилась там лишь в рассудочное познание, не захватывая жизни, не придавая жизни нового вида.

Но прежнее положение вещей не могло уже сохраняться далее, как только этот свет проник в душу, подлинно и всерьез религиозную во всей полноте своей жизни, и если душа эта жила среди народа, которому легко могла сообщить свое более серьезное воззрение на вещи, а народ этот нашел вождей, которые могли что-то дать его решительной потребности. Как бы низко ни пало христианство, в нем всегда остается все же основной элемент, в котором заключена истина, и который наверняка возбудит жизнь, если только это действительная и самостоятельная жизнь; это вопрос: что мы должны делать, чтобы обрести блаженство? Если этот вопрос попадал на мертвую почву, где или вообще склонны были сомневаться в том, можно ли всерьез говорить о возможности какого-то блаженства, или, если бы даже эту возможность допускали, все-таки не имели твердой и решительной воли стать и самому блаженным; то на этой почве религия уже с самого начала не вмешивалась бы в жизнь и волю, но болталась бы только в памяти и воображении бледной и колеблющейся тенью, а потому, естественно, и все дальнейшие попытки прояснить состояние имеющих в народе религиозных понятий должны были так же точно пройти без всякого влияния на жизнь. Но если этот вопрос попадал на почву изначально живую, где всерьез верили, что блаженство есть, и сами имели твердую волю стать блаженными, а для того с искренней верой и честной серьезностью применяли те средства для достижения блаженства, какие указывала прежняя религия: то, если бы на эту почву, которая именно по причине серьезности своей веры долгое время оставалась невосприимчива к свету познания о характере этих средств, упал все же наконец свет этого познания, родился бы страшный ужас при виде того, как людей обманывают в деле спасения их души, и беспокойное стремление сохранить для них вечное блаженство иным способом, и то, что представлялось повергающим в вечную погибель, не могли бы принимать как шутку. Кроме того, человек, которым впервые завладело бы это воззрение, отнюдь не мог бы довольствоваться тем,

чтобы спасти, скажем, только свою собственную душу, оставаясь безразличным ко благу всех прочих бессмертных душ, ибо, согласно его более глубокой религиозности, таким образом он не спас бы даже и собственной души; но с тем же страхом, который он чувствовал за свою душу, он должен был стараться открыть глаза на этот обман, грозящий вечным проклятием, безусловно всем людям на свете.

И вот таким-то образом познание, которое, конечно, с куда большей рассудочной ясностью открывалось задолго до него очень многим иностранцам, упало в душу немца Лютера. Классической и тонкой образованностью, ученостью, другими преимуществами его превосходили не только иностранцы, но даже и многие люди в его собственной нации. Но им завладел всемогущий мотив – страх за вечное спасение душ? – и этот мотив стал жизнью его жизни, и всякий раз именно этот мотив становился последней гирей на весах его решения и сообщал ему силу и дарования, которым удивляются потомки. Пусть другие люди преследовали в реформации мирские цели, – они никогда не победили бы, если бы во главе их не стоял предводитель, которого воодушевляло вечное; и если этот вождь, всегда видевший, что на карту поставлено вечное спасение всех бессмертных душ, спокойно и бесстрашно выступал навстречу всем духам ада, то это совершенно естественно, и в этом нет вовсе никакого чуда. Это только еще одно доказательство немецкой серьезности и присутствия духа.

То, что с этим чисто человеческим делом, о котором каждый должен заботиться только сам, Лютер обратился ко всем людям, и прежде всего к целокупности своей нации, – это, как мы сказали, объяснялось самой сутью дела. Как же его народ воспринял его предложение? Остался ли он в тупом покое, прикованный к земле мирскими делами, и невозмутимо следуя дальше привычным путем, или же необыденное явление столь могучего воодушевления вызвало в нем только смех? Отнюдь нет; но, как бегущий огонь, овладела им та же забота о спасении души, и эта забота вскоре открыла их око совершенной ясности, и они на лету воспринимали то, что он им предлагал. Не было ли это воодушевление лишь минутным парением воображения, которое не могло устоять в жизни, против ее нешуточных битв и опасностей? Отнюдь нет; они отказывали себе во всем и сносили все мучения, и сражались в кровавых войнах, исход которых был неясен, единственно затем, чтобы не подпасть снова власти губительного папства, но чтобы им, и их детям, и детям их детей неизменно светил единоспасающий свет Евангелия; и в них в последние времена повторились вновь все те чудеса, какие христианство явило в своих исповедниках в начале своей истории. Все суждения того времени исполнены этой всепроникающей озабоченности блаженством души. В этом Вы видите подтверждение своеобразия немецкого народа. Воодушевлением его легко можно возвысить к любому воодушевлению и любой ясности, и его воодушевление выдерживает столкновение с жизнью и преобразует ее.

Реформаторы и прежде, и в других странах, воодушевляли толпы народа, собирали их в общины и образовывали их; однако общины эти не были прочны и постоянны, не были утверждены на почве прежнего устройства, потому что вожди народа и князья прежнего устройства не встали на их сторону. Поначалу казалось, что и реформацию Лютера ожидает не лучшая судьба. Мудрый курфюрст, при котором она началась²², был мудрым, казалось бы, скорее в смысле заграничном, нежели в немецком. Казалось бы, он не очень-то понял тот вопрос, о котором, собственно, идет дело, и не придавал большого значения раздору, как

ему представлялось, между двумя монашескими орденами, и озабочен был, самое большее, только хорошей репутацией недавно учрежденного им университета²³. Но у него были наследники, которые, будучи далеко не столь мудры, как он, были охвачены той же серьезной заботой о своем блаженстве, которая жила в их народах, и через это частное тождество слились со своими народами до того, что готовы были жить или умереть, победить или погибнуть с ними вместе.

Здесь Вы видите подтверждение указанному выше основному свойству немцев как целокупности и их утверждению на самой природе общественному устройству. До сих пор великие национальные и мировые задачи излагали народу добровольно выступающие ораторы, и народ принимал или не принимал их. Если и князья народа поначалу из подражания иностранщине и из жажды такого же, как за границей, блеска и напыщенности, отделялись от своей нации и оставляли или предавали ее, то впоследствии они все-таки легко снова увлекались к согласию с нацией, и проникались милосердием к своим народам. То, что неизменно всегда случалось первое – это мы докажем ниже на других примерах; того же, чтобы непременно происходило последнее, мы можем только горячо и страстно желать.

И вот, хотя мы и должны сознаться, что в охватившем ту эпоху страхе за спасение душ оставалась некая темнота и неясность, ибо дело было не только в том, чтобы заменить внешнего посредника между Богом и человеком, но в том, чтобы не нуждаться ни в каком внешнем посреднике и найти связующую нить в самом себе, – тем не менее религиозному образованию человечества в целом было, вероятно, необходимо пройти через это промежуточное состояние. Самому Лютеру его честное усердие дало еще больше того, что он искал, и вывело его далеко за пределы его системы. Как только он пережил те первые борения и муки совести, которые вызывал в нем его смелый разрыв со всем тем, во что он прежде верил, всякое слово его сочинений исполнено торжества и ликования по поводу достигнутой отныне свободы сынов Божиих, которые уже не ищут блаженства вне себя и за гробом, но сами суть живой всплеск непосредственного чувства этого блаженства. Он стал в этом образцом для всех последующих эпох, и совершил дело за всех нас. – В этом Вы также видите основную черту немецкого духа. Если только он ищет, он находит больше, чем искал; ибо он попадает в поток живой жизни, которая течет сама собою и уносит его с собой.

С папством, – если мы будем рассматривать и оценивать его по его собственному образу мысли, – реформация, тем, как она его трактовала, поступила, без сомнения, несправедливо. Ведь изречения пап были большей частью вслепую вырваны из наличного языка, по-азиатски риторически преувеличены, между тем как они должны были означать то, что могли, и рассчитывали при этом, что из их смысла и так уже почерпнут больше, чем подобает по значению слов, – но их никогда не обдумывали, не взвешивали и не подразумевали сколько-нибудь серьезно. Реформация, с немецкой серьезностью, приняла их во всей полноте веса и значения; и она была права в том, что все следует принимать именно так, но неправа, если полагала, что сами папы принимали это таким же образом, и если упрекала эти изречения в чем-то еще, кроме их естественной плоскости и безосновательности. Это вообще неизменно повторяющееся явление во всяком споре немецкой серьезности с заграничной, все равно, пребывает ли за граница в стране или за ее

пределами: Заграница понять не может, как можно поднимать так много шума вокруг столь безразличных вещей, как слова и выражения, а иностранцы спешат уверить нас, будто не говорили того, что они все же говорили, и говорят, и всегда говорить будут, как только слышат то же из немецких уст, и жалуются на клевету, которую называют страстью к скоропалительным выводам, если кто-нибудь попытается принять их высказывания в их буквальном смысле и как сказанные всерьез, и рассмотрит эти высказывания как элементы последовательного ряда мысли, в котором можно восстановить его исходные принципы и следующие из него выводы; между тем как при этом он еще, может быть, весьма далек от того, чтобы подозревать у самих иностранцев ясное сознание того, что они говорят, и логическую последовательность мысли. А в просьбе, чтобы всякую вещь принимали так, как ее подразумевал сказавший, а не ставили еще сверх того под сомнение его право иметь мнение и вслух высказывать его другим, всегда обнаруживается иностранщина, как бы глубоко ее ни старались спрятать.

Серьезность, с которой люди принимали старую систему религии, вынудила саму эту систему к большей серьезности мысли, нежели какая была ей свойственна прежде, и к новой проверке, новому толкованию, укреплению основ старого учения, а также к тому, чтобы быть в будущем более осмотрительной в жизни и учении; и это, равно как и нижеследующее, пусть послужит Вам подтверждением того способа, каким Германия всегда оказывала обратное воздействие на остальную Европу. А тем самым старое учение получило, по крайней мере, в общем составе народа ту безвредную действенность, которую оно могло иметь, если уж его не следовало совершенно оставить; в частности же, оно стало для его защитников поводом и призывом к более основательному и последовательному мышлению, чем то, которое встречалось прежде. О том, что улучшенное в Германии учение распространилось и за границей, и произвело там то же самое следствие высокого воодушевления, мы можем умолчать здесь, как о явлении преходящем; хотя все-таки примечательно, что ни в одной из собственно новолатинских стран новое учение не добилось себе признанного государством существования; ибо, кажется, нужна была немецкая основательность правителей и немецкое добродушие народа, чтобы почитать это учение совместимым с верховной властью и сделать его таковым.

Однако в другом отношении Германия оказала своим церковным улучшением всеобщее и устойчивое влияние на иностранные государства, причем не на народ, а на образованные сословия; и этим своим влиянием сама, в свою очередь, подготовила себе в этой загранице предшественника и вдохновителя для нового творчества. К свободному и самостоятельному мышлению, или философии, люди испытывали побуждение и занимались ею уже и в предшествующие столетия, под властью старого учения, но отнюдь не затем, чтобы произвести истину из самих себя, но лишь затем, чтобы показать, что учение церкви истинно, и каким именно образом оно истинно. Вначале философия получила ту же самую задачу в отношении к новому учению и у немецких протестантов, и стала у них служанкою Евангелия, как у схоластов она была служанкою церкви. В загранице, у которой или вовсе не было Евангелия, или же которая не постигла его истины с кристально чистой немецкой молитвенностью и душевной глубиной, свободное мышление, вдохновленное достигнутой блестящей победой, поднялось легче и вознеслось выше, не будучи сковано верой в сверхчувственное; но оно осталось в чувственном плену веры в естественный рассудок, выросший без всякого содействия нравов и образования; и заграница не только не сумела

открыть в разуме источник на самой себе основанной истины, но приговор этого грубого рассудка стал для нее тем, чем была для схоластов церковь, и чем для первых протестантских богословов было Евангелие; в истине этого приговора не возникало никаких сомнений, и вопрос заключался только в том, как можно отстоять эту истину от оспаривающих ее притязаний.

Коль скоро же это мышление совершенно не вступало в область разума, возражения которого были бы более значительны, оно не находило себе иного противника, кроме исторически наличной религии, и оно легко разделялось с нею, прилагая к ней мерку своего гипотетического здравого смысла и со всей ясностью обнаруживая при этом, что подобному здравому смыслу она именно что противоречит. И так получилось, что, как только все это вполне и окончательно выяснилось, за границей имя философа и имя невера и атеиста стали однозначительны, и служили одинаково почетным отличием.

Попытка совершенно возвыситься над всякой верой в чужой авторитет – а это то, что было верного в этих устремлениях за границы, – стала новым источником вдохновения для немцев, от которых, через посредство церковного улучшения, эта попытка впервые и началась. Хотя второстепенные и несамостоятельные умы среди нас попросту повторяли это учение за границы – предпочитая, кажется, это заграничное учение столь же легко доступному учению своих земляков потому, что первое воображалось им более благородным – и эти умы пытались, насколько им было возможно, убедить сами себя в его истине; но где пробуждался самостоятельный немецкий дух, там чувственного ему было уже недостаточно, и там возникала задача: искать сверхчувственное (в которое, впрочем, не следует слепо верить, полагаясь на чужой авторитет) в самом разуме, и только таким образом впервые создать подлинную философию, сделав свободное мышление, как и должно, источником независимой истины. К этому стремился Лейбниц²⁴, в борьбе с упомянутой заграничной философией; этого достиг подлинный основатель новой немецкой философии²⁵, признаваясь, впрочем, что побудило его к тому одно высказывание заграничного ума, которое он между тем понял глубже, чем имел в виду его автор²⁶. С тех пор задача эта у нас вполне решена и философия совершенно закончена, правда, нам приходится удовольствоваться признанием этого, пока не настанет эпоха, которая это постигнет. Предположим, что это случилось: тогда снова, по указаниям древности, прошедшей призму новоримского заграничного ума, совершится на нашей немецкой родине творчество нового, прежде решительно небывалого.

На глазах всех современников за граница легко и с пылкой храбростью взялась за решение другой задачи, которую разум и философия полагают для нового мира, – создание совершенного государства, – и вскоре затем столь решительно оставила эту задачу, что нынешнее состояние за границы вынуждает ее проклинать как преступление даже мысль о подобной задаче, и что она должна была приложить все силы к тому, чтобы, если возможно, вычеркнуть эти попытки из анналов своей истории. Причина того, почему так случилось, очевидна всем: разумное государство невозможно построить искусственными мерами из любого налично данного материала, нацию нужно сначала образовать и воспитать до такого государства. Только та нация, которая решит сначала, действительным делом, задачу воспитания совершенного человека, решит затем и задачу создания совершенного государства.

Задачу этого последнего воспитания, со времени нашего церковного улучшения, заграница тоже много раз пыталась решать весьма остроумно, однако в смысле своей философии, и эти усилия поначалу находили себе у нас продолжателей и преувеличителей. Как далеко развила это дело одна опять-таки чисто немецкая душа – об этом мы сообщим Вам в свое время подробнее.

В сказанном мы представили Вам ясное обозрение всей истории образования нового мира, и всегда тождественного себе отношения различных элементов этого нового мира к этой истории. Подлинная религия в форме христианства была зачатком нового мира, и совокупной задачей его было – вплести эту религию в наличную образованность древности, и тем самым одухотворить и освятить эту древность. Первый шаг на этом пути состоял в том, чтобы отделить лишаящий свободы внешний авторитет формы этой религии от самой религии, и ввести также и в религиозную область свободное мышление древности. К этому шагу побудила заграница, а сделал его немец. Второй шаг, который есть, собственно, продолжение и завершение первого, был тот, чтобы найти эту религию, а с нею и всяческую мудрость, в нас самих, – этот шаг также подготовила заграница, а осуществил его немец. Следующий шаг, который стоит сегодня на повестке дня в вечном времени духа – это совершенное человеческое воспитание нации. Без этого полученная нами философия никогда не станет широко доступной и понятной, и тем более не найдет себе общего применения в жизни; как, в свою очередь, и искусство воспитания без философии никогда не достигнет в себе самом полной ясности. Поэтому оба они, философия и искусство воспитания, тесно связаны друг с другом, и одно без другого неполно и бесполезно. Уже только потому одному, что до сих пор немец завершал все шаги образованности и для того собственно и сохранился в составе нового мира, ему подобает сделать то же и в отношении воспитания; но когда удастся привести в порядок воспитание, легко будет упорядочить и все прочие дела человеческие.

В таком отношении, следовательно, находилась до сих пор немецкая нация к образованию человеческого рода в новое время. Нам следует еще яснее высказаться об одном, уже дважды мимоходом сделанном нами замечании относительно естественного порядка, которому следовала при этом наша нация, а именно, что в Германии всякое образование исходило от народа. Что дело церковного улучшения было вначале изложено народу, и удалось единственно потому, что стало делом народа, – это мы уже видели. Однако нужно теперь доказать, что этот частный случай был не исключением, но именно правилом.

Оставшиеся на родине немцы сохранили в себе все те добродетели, которые обитали прежде на их земле: верность, порядочность, честь, простодушие; но образованности для высшей и духовной жизни они получили не больше, чем могли сообщить рассеянно живущим людям тогдашнее христианство и его учителя. Это было немного, и потому они отставали от своих ушедших в дальние страны соплеменников, и хотя были в самом деле храбрыми и порядочными, были все-таки наполовину варварами. Между тем среди них возникли города, построенные отдельными членами народа. В этих городах скоро достигли прекраснейшего расцвета все отрасли образованной жизни. В них возникли, пусть и рассчитанные на малые общества, но все-таки превосходные гражданские устройства и учреждения, и только из них образ порядка и любовь к порядку распространился по всей остальной стране. Их обширная торговля помогала открытию мира. Их союз был страшен

для королей. Памятники их зодчества еще сохраняются у нас, презрев вековые разрушения, их потомство стоит перед ними в изумлении и сознается в собственном бессилии.

Я не стану сравнивать этих граждан немецких имперских городов средневековья с другими современными им сословиями, и не стану задавать вопроса, что делали между тем дворянство и князья. Однако сравнительно с прочими германскими нациями, – не считая некоторых уголков Италии, от которых между тем немцы не отставали даже и в изящных искусствах, а в полезных искусствах превзошли их и стали их наставниками, – не считая этих областей, говорю я, немецкие горожане были образованными, а прочие нации были варварами. История Германии – немецкой силы, немецких предприятий, изобретений, памятников, немецкого духа, – является перед нами в этот период времени исключительно только историей этих городов, и все прочее (как то аренда и обратный выкуп земель и тому подобное) не стоит даже упоминания. Этот момент был также единственным моментом в немецкой истории, когда эта нация жила в блеске и славе и в том достоинстве, которое подобает ей как изначальному народу. Когда корыстолюбие и властолюбие князей разрушило ее процветание и растоптало ее свободу, вся страна постепенно приходит во все больший упадок, и приближается к своему теперешнему состоянию. Но с упадком Германии мы наблюдаем такой же точно упадок в остальной Европе – в том, что касается существенного, а не одной только внешней видимости. Решающее влияние этого подлинно господствующего сословия на развитие имперского устройства Германии, на церковное улучшение и на все, что когда-либо обозначало немецкую нацию и что переходило от нее за границу, со всей очевидностью заметно повсюду, и можно доказать, что в его среде возникло все то, что еще и сегодня есть достойного среди немцев.

В каком же духе созидало это немецкое сословие этот расцвет и пользовалось им? В духе благочестия, пристойности, скромности, общественности. Для самих себя им было нужно немного, но для общественного дела они несли огромные расходы. Редко-редко где-нибудь стоит и выделяется отдельное имя, потому что все думали одинаково и одинаково жертвовали собою для общества. Совершенно при тех же внешних условиях, что и в Германии, возникли свободные города в Италии. Сравните их историю здесь и там; сопоставьте непрерывные мятежи, внутренний раздор, и даже войны, постоянную смену устройств и правителей в последних с мирным покоем и единодушием в первых. Можно ли выразить яснее, что должно существовать некое внутреннее различие в духе двух этих наций? Немецкая нация – единственная из новоевропейских наций, доказавшая делом в своем гражданском сословии, вот уже в течение нескольких веков, что она способна выносить республиканское устройство.

Среди частных и особенных средств для того, чтобы вновь поднять немецкий дух, было бы весьма сильным средством, если бы мы имели воодушевляющую историю немцев этого периода, которая стала бы в таком случае национальной и народной книгой, подобно Библии или книге церковных песнопений, пока мы сами не произвели бы на свет нечто достойное пера историка. Но только подобная история должна была бы не исчислять просто, на манер хроники, деяния и события, но должна была бы, удивительно волнуя нас и незаметно и неосознанно для нас самих, перенести нас в самую гущу жизни этого времени, так чтобы нам казалось, будто мы сами ходим, стоим, решаем и действуем с этими людьми, и добиться этого она должна не детскими и игривыми вымыслами, как делали столь многие

исторические романы, но силою истины. Она должна показывать нам, как из жизни этих людей распускается цвет исторических деяний и событий, как подтверждений этой жизни. Подобное сочинение могло бы быть, правда, лишь плодом обширных познаний и изысканий, которых, может быть, никто еще никогда не производил, но автор должен избавить нас от демонстрации всех этих познаний и изысканий и представить нам лишь их плод на нашем современном языке, так чтобы он был понятен всякому немцу без исключения. Кроме этих исторических сведений, для подобного сочинения потребуется еще и значительный философский дух, который так же точно не выставлял бы себя на всеобщее обозрение; а прежде всего, потребуется верная и любящая душа.

То время было отроческой мечтой нации в ограниченном кругу о будущих деяниях, битвах и победах; и прорицанием о том, чем она будет некогда, исполнившись силы.

Соблазнительное общество и приманки тщеславия увлекли ее, подрастающую, в сферы, ей чуждые. Пожелав блистать и там, она стоит теперь, покрытая позором, и борется за самое свое выживание. Но действительно ли состарилась она и обессилела? Не бил ли для нее с тех пор, и всегда, и до этого дня, как ни для какой другой нации, источник изначальной жизни? Возможно ли, чтобы прорицания ее отроческих дней, подтверждаемые свойствами остальных наций и планом образования всего человечества, – возможно ли, чтобы они остались неисполненными? Отнюдь нет. Только верните сперва эту нацию с избранного ею ложного направления, покажите ей в зеркале ее отроческих мечтаний ее истинную склонность и истинное предназначение, пока это созерцание не придаст ей силу для того, чтобы в могучем порыве принять это свое предназначение. Пусть и этот призыв хоть несколько послужит тому, чтобы в скором времени немецкий муж, наделенный нужными для того способностями, решил эту предварительную задачу!

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:21:24

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:21:48